

Б. В. Емельянов

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА Часть 2

УЧЕБНИК ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

2-е издание, исправленное и дополненное

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 1(075.8)
ББК 87я73
Е60

Автор:

Емельянов Борис Владимирович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН, почетный профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Рецензенты:

Малинова И. П. — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета;

Перцев А. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и философии образования Уральского федерального университета.

Емельянов, Б. В.

Е60 Русская философия XX века. В 2 ч. Часть 2 : учебник для академического бакалавриата / Б. В. Емельянов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 344 с. — Серия : Авторский учебник.

ISBN 978-5-534-00166-2 (ч. 2)

ISBN 978-5-534-00167-9

Автор учебника профессор Б. В. Емельянов известен как специалист по историографии и источниковедению, решению их проблем в истории русской философии. В этой книге он изложил свое видение истории отечественной философии как результат более чем сорокалетнего ее преподавания.

В учебнике автор последовательно анализирует направления, школы и проблемы русской философии XX века. В нем рассмотрены не только основные философские направления и школы (софиология, богоскательство, религиозный экзистенциализм, интуитивизм, евразийство), но и философия истории, права, имени, образования, техники и даже музыки, импортологии, символизма. Книга дополнена биографиями русских философов и снабжена обширным библиографическим аппаратом.

Учебник состоит из двух частей и входит в комплекс учебников по истории русской философии XIX—XX вв.

Учебник будет интересен студентам, аспирантам, преподавателям и всем, кто интересуется историей русской философии.

УДК 1(075.8)

ББК 87я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-00166-2 (ч. 2)
ISBN 978-5-534-00167-9

© Емельянов Б. В., 2003
© Емельянов Б. В., 2016, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Глава 15. Марксистская философия	5
Глава 16. Отечественная философия советского периода	46
Глава 17. Евразийство	61
Глава 18. Русская философия в эмиграции	79
Глава 19. Философия истории. Русская идея	107
Глава 20. Философия права	131
Глава 21. Философия имени	146
Глава 22. Философия образования	169
Глава 23. Философия техники	207
Глава 24. Философия и музыка	225

Раздел II. ПЕРСОНАЛИИ

Интеллектуальные биографии выдающихся отечественных философов

Андреев Даниил Леонидович	245
Бахтин Михаил Михайлович	256
Бухарин Николай Иванович	266
Гумилев Лев Николаевич	276
Рерих Николай Константинович	288
Де Роберти Евгений Валентинович	303
Шпет Густав Густавович	315
Библиографические ссылки	325
Новые издания по дисциплине «Русская философия» и смежным дисциплинам	342

Глава 15

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Марксистская философия, как это ни парадоксально, является сегодня слабо изученной областью развития философского знания в России в XX в. Усилиями А. И. Володина, К. Н. Любутина, В. Ф. Пустарнакова и других историков философии лишь обозначены сложности определения ее содержания, этапов развития, основных представлений. Полную картину ее возникновения и развития в России еще предстоит воссоздать. Трудностей на этом пути немало. Одна из них, к примеру, состоит в том, как подчеркивает В. Ф. Пустарнаков, что, по мнению лидеров II Интернационала, «никакой марксистской философии не существует, что К. Маркс и Ф. Энгельс полностью преодолели философию»¹. Хотя одновременно существовали вполне авторитетные, как, например, Г. В. Плеханов, марксисты, которые не только доказывали наличие «марксистской философии», но и отстаивали и определенным образом увеличивали ее философский потенциал.

Марксистская философия в России имела широкое распространение, свои национальные особенности и историю. Одной из таких особенностей можно считать несколько «марксистских философий» (П. С. Юшкевич), «версий марксизма», имеющих свои философские представления (К. Н. Любутин), или «разные модели истолкования философии марксизма», «школы в философии марксизма» (В. Ф. Пустарнаков).

История марксистской философии в России имеет свою периодизацию, о которой до сих пор спорят. Самый простой вариант — это деление ее развития на два периода: д о р е в о л ю ц и о н н ы й и с о в е т с к и й. Он вполне приемлем, хотя и не раскрывает специфики и особенностей развития марксистской философии в России, ее связи с борьбой идеологий и социально-политической обстановкой в стране. И если усилиями нескольких поколений

историков философии представления о развитии марксистской философии в дореволюционный период устоялись, то по поводу ее реалий в советский период ясности нет. Правда, после дискуссии «Философия в СССР: версии и реалии», развернувшейся на страницах журнала «Вопросы философии» (1997, № 11), все больше историков отечественной философии придерживаются варианта ее периодизации, предложенного З. А. Каменским. По его мнению, можно говорить о четырех периодах развития марксистской философии после 1917 года.

— Первый период (1917—1930/31) характеризуется сменой парадигмы философствования: доминанта религиозно-идеалистической, иррационалистической философии сменяется преобладанием, а затем и господством философии марксистской, а на смену относительной либеральности государственной политики в духовной жизни общества приходит партийно-государственный диктат.

— Второй период (1930/31 — начало 1950-х) — период философских дискуссий завершения процесса смены парадигмы философствования, резкое усиление репрессивности, подавления идеологических свобод, чрезвычайное упрощение философской жизни и обеднение ее содержания. Однако появляются работы вне рамок ортодоксально марксистской философии, особенно в истории философии, психологии, в области философских проблем естествознания.

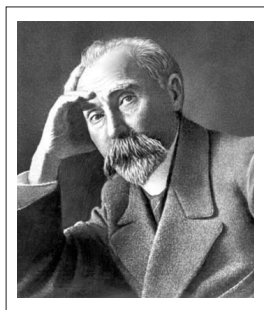
— Третий период (1953 — начало 1990-х) характеризуется постепенным снятием сталинских ограждений развития философской мысли, хотя репрессивные меры оставались. При этом углубляется и дифференцируется исследование философских проблем. С конца 1950-х гг. философия получает невиданное до тех пор развитие.

— Четвертый период (с 1992) — это период со времени распада СССР, связанный с изменением парадигмы философствования: марксизм лишается статуса государственной философии и сменяется свободным философствованием, с доминантой, но отнюдь не господством религиозно-идеалистической, иррационалистической традиции². Периодизацию, предложенную З. А. Каменским, поддержал в этой дискуссии Л. Н. Москвичев, также разделивший

историю советского этапа развития философии на четыре периода: 1) с начала 1920-х гг. и до выхода «Краткого курса истории ВКП(б)»; 2) период «Краткого курса» — середина 1950-х г.; 3) с начала 1960-х годов до 1991 г.; 4) период отмены 6-й статьи Конституции СССР 1977 г.³.

Марксистская философия в России с первых шагов своего существования заявляла приверженность основным догматам философских построений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. е. свою ортодоксальность. И вместе с тем с той же неизменностью нарушала их, стремилась дополнить, критически переработать, предложить свое оригинальное их решение. Эту тенденцию в философии наиболее показательным, на наш взгляд, выразили Г. В. Плеханов, А. А. Богданов и В. И. Ленин.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября 1856 г. в семье мелкопоместного дворянина в с. Гудаловке Липецкого уезда

Тамбовской губернии. Мать Плеханова, племянница В. Г. Белинского, оказала большое влияние на формирование его мировоззрения. Окончив Воронежскую гимназию, он поступил в Константиновское артиллерийское училище, но проучился там лишь несколько месяцев. С сентября 1874 г. он стал студентом Петербургского горного института. Причиной отказа Плеханова от военной карьеры явился рост революционного дви-

жения в стране и стремление молодого человека принести реальную пользу русскому народу. Эта же причина заставила его спустя два года оставить учебу в горном институте и полностью посвятить себя революционной деятельности. Он был одним из редакторов нелегальной газеты «Земля и воля», органа одноименной народнической организации, вел пропаганду среди рабочих, учащихся, крестьян. Дважды (в 1877 и 1878) его арестовывали.

После раскола «Земли и воли» на съезде в Воронеже в августе 1879 г. Плеханов и его соратники — П. Аксельрод, О. Аптекман, Л. Дейч, В. Засулич — создают новую народническую организацию «Черный передел», выпускают журнал с тем же названием.

Вскоре Плеханов порывает с народничеством, его анархистским бакунизмом, народовольчеством, бланкизмом.

В 1880 г. Г. В. Плеханов эмигрировал за границу. Вернулся он в Россию лишь спустя 37 лет. В Женеве, а затем в Париже Георгий Валентинович основную часть своего времени посвящает теоретическим занятиям, много читает, в основном работы К. Маркса и Ф. Энгельса, труды по истории, социологии, экономике. Тогда же он переводит на русский язык «Манифест Коммунистической партии». В 1883 г. Г. В. Плеханов и его соратники создают первую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», поставившую своей задачей пропаганду марксизма и разработку «важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России»⁴.

Г. В. Плеханов становится видным пропагандистом марксистской философии. Широкую известность в России и за границей приобретают его философские работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) и «К вопросу о роли личности в истории» (1898).

В 1898 г. произошла встреча Плеханова с Энгельсом, их дружеская переписка продолжалась до смерти Ф. Энгельса. Георгий Валентинович принимает участие в работе II Интернационала (1889), в его конгрессах, по праву считаясь одним из его видных теоретиков, активных участников идейно-теоретических дискуссий, в которых он выступал против немецких социал-демократов Э. Бернштейна и К. Шмидта. В 1900 г. на Пятом конгрессе II Интернационала он был избран в Международное социалистическое бюро.

В 1900—1903 гг. Плеханов вместе с В. И. Лениным участвует в создании общероссийской социал-демократической газеты «Искра» и журнала «Заря», пишет текст программы РСДРП, принятой на II съезде партии (1903). Но вместе с тем в это время обнаруживаются теоретические расхождения Плеханова с Лениным по ряду принципиальных вопросов революционной борьбы: об отношении к либералам, к крестьянству, о характере диктатуры пролетариата. Однако на II съезде РСДРП, на котором была создана марксист-

ская партия России, Плеханов и Ленин выступали единым фронтом, по всем принципиальным вопросам Георгий Валентинович поддержал выступления большевиков. «На II съезде РСДРП, — констатирует В. Ф. Пустарнаков, — окончательно определилось особое положение Плеханова в российском социал-демократическом движении, расколовшемся на большевиков и меньшевиков. Это особое положение осознавалось Плехановым как своего рода политическое одиночество, “внефракционность”, в соответствии с которым он, оставаясь верным своим взглядам эпохи группы “Освобождение труда”, не хотел примыкать ни к меньшевикам, ни к большевикам во главе с Лениным, то поддерживал, то критиковал тех и других, хотя чаще оказывался на стороне меньшевиков. Собственной трибуной Плеханова был, в частности, периодический журнал “Дневник социал-демократа” (1905), возобновленный в 1910 г.»⁵.

После возвращения Г. В. Плеханова на родину 31 марта 1917 г. резче обозначился его разрыв с теорией и практикой большевизма. Он не принял Октябрьскую революцию, поскольку она, как он считал, явилась нарушением исторических законов. Русский мыслитель оказался в полной изоляции. У Плеханова обострился туберкулез, которым он болел уже длительное время. Врачи царско-сельской больницы, а затем и санатория в Питкяярви (Финляндия) безуспешно пытались спасти его жизнь, и 30 мая 1918 г. Г. В. Плеханов скончался. Похоронен он был в Петрограде на Литераторских мостках, рядом с В. Г. Белинским.

Заслуга Плеханова-мыслителя заключается в пропаганде марксизма и развитии марксистской философии. Основные работы Плеханова конца XIX в. («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Н. Г. Чернышевский») написаны с диалектико-материалистических позиций. В основе философского материализма Плеханова лежит основательный историко-философский анализ. Исследование философской мысли прошлого, по Плеханову, это, с одной стороны, анализ теоретической, содержательной сто-

роны ее развития, с другой — анализ форм и способов ее социального бытия. К примеру, излагая свои взгляды в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов в последней (пятой) главе «Современный материализм» пишет специальное предисловие — «краткий очерк» этого учения: «Чтобы понять исторические взгляды Маркса, нужно припомнить, к каким результатам пришла философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению»⁶. Это, по сути, первый в марксистской литературе опыт историко-философского анализа решения проблемы человека. Для Плеханова он, во-первых, является доказательством того, что марксистское решение проблемы человека возникло не на пустом месте, а явилось продолжением и развитием лучших традиций предшествующей философии, а во-вторых, помогает понять истоки идеалистической трактовки проблемы человека, которую он подвергает критике. Аналогично он поступает при выяснении теоретических и социальных источников марксистской философии.

Раскрывая истоки и смысл философии марксизма, Плеханов по-своему решал многие ее проблемы. Философию он рассматривал как мировоззрение и как науку. С последней она и совпадает и контрастирует. Другими словами, философия занимается теми задачами, решение которых выполняет наука, но при этом она старается идти вперед, расчищая ей путь своими умозаключениями. Предмет у них один, но разные уровни его освоения: философия изучает мир как целое, наука — в его частных проявлениях⁷. Для Плеханова философия имеет еще одно определение: она — синтез идей определенной эпохи, «объединяющих совокупность человеческого опыта на достигнутой в данную эпоху ступени интеллектуального и общественного развития. Короче: философия есть синтез познанного бытия данной эпохи»⁸.

Онтологические идеи Плеханова достаточно просты. С материалистических позиций в духе Спинозизма он утверждает, что объективно существует природа как субстанция. Она едина, вечна и бесконечна, а мысль — ее атрибут, т. е. современный материализм (к которому Плеханов себя причисляет) «представляет собою только более или менее осознавший себя Спинозизм»⁹. В гно-

сеологии он опирался на все то же спинозовское единство объекта и субъекта и марксистскую идею воздействия объекта на субъект в процессе познания. В познании Плеханов предпочтение отдавал живому созерцанию и недооценивал абстрактное мышление.

Отстаивая диалектико-материалистические позиции марксистской философии, Плеханов повел решительное наступление на субъективный идеализм неокантианцев и махистов как по вопросам материи и ее атрибутов, так и по проблемам теории познания. Вместе с тем в статье «Еще раз материализм» (1899), содержащей систематическое изложение диалектического материализма, русский мыслитель наряду с верными утверждениями выдвигает положение о том, что наши ощущения — не копии объективных вещей и явлений, а иероглифы, т. е. их символы: «Формы и отношения вещей в себе не могут быть таковы, какими они нам кажутся, т. е. какими они являются нам, будучи “переведены” в нашей голове. Наши представления о формах и отношениях вещей не более как иероглифы»¹⁰. Позднее он определит такое понимание теории отражения как терминологическую ошибку.

Г. В. Плеханов считал диалектический метод важнейшим завоеванием современного материализма. «Диалектический метод — это самая характерная черта современного материализма; в этом его существенное отличие от старого метафизического материализма XVIII века»¹¹. Материализм и диалектика не просто сочетаются, но дополняют и «усиливают» друг друга. Диалектика имеет, по его мнению, принципиально материалистический характер. Акцентируя внимание на объективной диалектике, т. е. диалектике природы и общества, Плеханов пишет: «Диалектический метод характеризуется прежде всего и главным образом тем, что он в самом явлении, а не в тех или других симпатиях и антипатиях исследователя ищет сил, обуславливающих собой развитие этого явления... Диалектический метод материалистичен по своей природе, и под его влиянием даже исследователи, стоящие на идеалистической точке зрения, в своих рассуждениях являются подчас несомненными материалистами»¹².

Основным законом существования мира является закон развития, который, по мнению Плеханова, имеет два выражения в зако-

нах диалектики: единство и борьба противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и наоборот. Их философ представляет следующим образом: «1) Все конечное таково, что оно само себя снимает, переходит в свою противоположность. Этот переход совершается при помощи присущей каждому явлению природы силы; каждое явление содержит в себе силы, порождающие его противоположность. 2) Постепенные количественные изменения данного содержания превращаются в конце концов в качественные различия. Моменты этого превращения — это моменты скачка, перерыв постепенности»¹³. Закона отрицания отрицания — третьего закона диалектики — в работах Плеханова не обнаруживается.

Как материалист-диалектик, он неоднократно указывал на противоположность гегелевской и марксистской диалектики. «Это та же диалектика, какую мы знаем от Гегеля, — писал он, — и все-таки это не то же самое. В философии Маркса она превратилась в полную противоположность того, чем она была у Гегеля. Для Гегеля диалектика социальной жизни, как и всякая диалектика конечного вообще, в последнем счете имеет мистическую причину, природу бесконечного, абсолютного духа. У Маркса она зависит от совершенно реальных причин: от развития средств производства, которыми располагает общество»¹⁴. Он замечает: «Материализм ставит диалектику “на ноги” и... снимает то мистическое покрывало, которым она была окутана у Гегеля, но тем самым обнаруживает революционный характер диалектики»¹⁵. А органическое соединение материализма и диалектики, разработка проблем материалистической диалектики и материалистического понимания истории, по Плеханову, означает, что Маркс осуществил «подлинную революцию, самую великую революцию, какую только знает история человеческой мысли»¹⁶.

Материалистическое понимание истории имеет статус революционного переворота в философии, равного открытию Коперника, он может быть поставлен «наряду с величайшими плодотворнейшими научными открытиями»¹⁷.

Возникновение марксистской философии, по мнению Плеханова, означает революционный переворот в философии. Суть это-

го переворота, указывает русский мыслитель, состоит в утверждении принципа: «Общественное бытие определяет общественное сознание». В его изложении этот принцип выглядит следующим образом: «На каждой данной стадии развитию производительных сил соответствуют известные отношения людей в общественном процессе производства. Характер этих отношений определяет всю социальную структуру, которая со своей стороны определяет способ восприятия, чувствования, мышления и действия людей — словом, их природу»¹⁸.

История для Плеханова — это материальный процесс, вовлекающий в свою орбиту все многообразие жизни людей. Первичность материальных процессов по отношению ко всем феноменам духовной жизни для Плеханова была исходной посылкой в его философии истории. Вслед за Марксом, повторяя его «основную идею», он утверждает: «1) Производственные отношения определяют все другие отношения, существующие между людьми в их общественной жизни. 2) Производственные отношения в свою очередь определяются состоянием производительных сил»¹⁹. Вместе с тем он придает чрезвычайно большое значение духовной сфере — культуре, идеологии, считая, что они находятся в сложной многоступенчатой зависимости от материальной стороны. В представлениях Г. В. Плеханова о многофакторности развития истории большую роль играют не только экономические отношения, но и классовая борьба как источник движения истории. Через эту борьбу проявляются экономические интересы, которые, в свою очередь, определяют идеологию различных классов, их мораль, искусство, религию. Философ формулирует свою знаменитую «пятичленку» соотношения базиса и надстройки: «1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики»²⁰. Как видим, Плеханов не сводил историю исключительно к экономике, считая ее тесным переплетением материальных и духовных факторов, через которые только и может

проявиться главный из них — экономический, но и это не происходит само собой, а непременно через мысли, интересы, потребности, идеалы, оценки и действия людей, как отдельных личностей, так и народных масс, классов, организаций, партий.

В философии истории Г. В. Плеханова содержится немало интересных и оригинальных выводов о формах общественного сознания. Особое внимание он обращает на общественную психологию. Отстаивая марксистские позиции в этом вопросе, он пишет: «Материалисты вовсе не отрицают значения психологии. По их мнению, “психика” — не только могущественный, но и безусловно необходимый фактор цивилизации, т. к. без “психики” цивилизация была бы совершенно невозможна»²¹.

В другом месте Г. В. Плеханов указывает, что без анализа общественной психологии невозможно представить адекватную картину развития общественной мысли. «Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии, — замечает он, — но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. Отсюда — огромная важность общественной психологии. Если с нею необходимо считаться уже в истории права и политических убеждений, то без нее нельзя сделать и шагу в истории литературы, искусства, философии и прочее»²².

Проблема человека занимает в философии Плеханова большое место. Опираясь на Маркса, который «на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит в не человека», и его главный вывод, что, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою внешнюю природу», Плеханов связывает эволюцию человека с эволюцией производства материальных благ, с созданием орудий и средств производства. В орудиях труда человек приобретает искусственные органы, изменяющие его анатомическое строение. В связи с этим изменяется последующее историческое развитие человека, взаимодействие с природой. Говоря об орудиях труда как определяющем элементе производительных сил, Г. В. Плеханов

высказывает важное диалектико-материалистическое положение: «Искусственные органы, орудия труда оказываются, таким образом, органами не столько индивидуального, сколько общественного человека. Вот почему всякое существенное их изменение ведет за собой перемены в общественной устройстве»²³.

Анализ взаимосвязи человека с природой был поставлен на научную основу. В противоположность абстрактно-натуралистическим представлениям предшествующих материалистов развивается взгляд, согласно которому человек есть не просто часть природы, а наиболее активная ее сила, сознающая свою мощь и творческие возможности в производстве предметной среды — очеловеченной природы. «Природа человека» с этого момента связывается с предметной деятельностью, с включением человека в сферу материального производства и материальных отношений. Человек при этом рассматривается не только как объект, но и как субъект предметной деятельности.

Для Плеханова-философа принципиально важной была проблема личности в истории, не нашедшая в трудах основателей марксизма подробной разработки. В его работах проводится мысль о народных массах как созидателях истории общества. По Плеханову, история делалась людьми бессознательно до тех пор, пока массы не увидели основных двигательных сил исторического прогресса. «Раз открыты эти силы, раз изучены законы их действий — люди будут в состоянии взять их в собственные руки»²⁴. Роль личности и ее значение определяются уровнем развития общественной организации. Но личность относительно свободна от экономических и политических процессов. Активность личности соотносится с осознанием ею того места, которое она занимает в ряду происходящих событий. Чем важнее ей представляется ее роль, тем решительнее она действует. Таким образом, считает русский философ, личность является выражением всего потенциала общественной жизни, творцом истории. «И не для одних только начинателей, не для “великих” людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих близких»²⁵.

В истории материализма, марксистской философии Г. В. Плеханов занимает особое почетное место. «Его личные заслуги, — писал В. И. Ленин, — громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»²⁶.

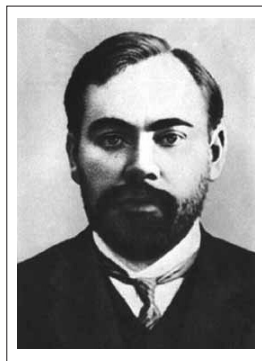
Александр Александрович Богданов был оригинальным мыслителем-марксистом, предложившим на основе достижений мировой философской мысли свой вариант развития философии марксизма, за что был подвергнут критике со стороны Г. В. Плеханова и В. И. Ленина.

А. А. Богданов (настоящая фамилия Малиновский) родился 22 августа 1873 г. в г. Соколка Гродненской губернии в семье народного учителя.

Закончив гимназию с золотой медалью, А. А. Богданов поступил на естественный факультет Московского университета. В студенческие годы начинается его революционная деятельность. В декабре 1894 г. он был арестован как член Союзного совета землячеств и выслан в Тулу.

Осенью 1895 г. А. А. Богданов поступает на медицинский факультет Харьковского университета. Живет он в это время в Туле, а в Харьков ездит для сдачи экзаменов и прохождения медицинской практики. В 1898 г., стремясь дать ответ на вопросы рабочих, касающиеся мировоззренческих проблем, А. Богданов пишет свою первую философскую книгу «Основные элементы исторического взгляда на природу». После окончания университета его вновь арестовывают и высылают вначале в Калугу, а затем в Вологду.

Осенью 1903 г. А. Богданов примыкает к большевикам, эмигрирует в Швейцарию, где входит в первый большевистский центр — Бюро комитета большинства. С этого момента он становится профессиональным революционером, участвует в съездах партии, избирается в ее ЦК.

Если по вопросам партийной работы у А. А. Богданова и В. И. Ленина разногласий не было, то в решении философских проблем они резко расходились. Для того чтобы эта философская конфронтация не повлияла на единство партийных действий, между ними был заключен договор не касаться вопросов философии на страницах партийной печати. Вот как об этом вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич: «Когда вопрос об А. А. Богданове впервые обсуждался в нашей женеvской большевистской группе, стоявшей в центре всего тогдашнего нашего движения за границей, было решено по предложению Владимира Ильича ни его, ни Богданова, ни других более или менее с ним солидарных товарищей отнюдь не отталкивать, так как во всех остальных вопросах в то время они шли совершенно в ногу с большевистской фракцией социал-демократической партии, но философских споров с ними не затевать... По философским вопросам мы условились, что он никаких споров поднимать не будет, а равно и выступать на собраниях с изложением своей философской системы или участвовать в устной или в печатной полемике по этим вопросам, тем более в партийной прессе, и что для этих философских вопросов страницы нашей партийной печати будут совершенно закрыты. А. А. Богданов вполне принял эту нашу точку зрения и выполнил в то время все взятые на себя обязательства пунктуально и честно, никогда не поднимая разговоров об эмпириокритицизме даже в частных беседах между нами»²⁷.

Однако А. Богданов продолжает интенсивно работать над философскими проблемами, одну за другой публикует свои книги, в том числе «Эмпириомонизм» (1904—1906), «Из психологии общества» (1905), 1-й том «Курса политической экономики» (1910), написанный совместно с И. И. Скворцовым-Степановым.

В 1908 г. Богданов пишет утопический роман «Красная Звезда», который получает высокую оценку, в том числе и в партийной печати. Роман содержал много интересных и впоследствии нашедших подтверждение догадок о синтетических материалах, об использовании атомной энергии в мирных и военных целях, о роли вычислительных машин, автоматизации и т. д. В 1913 г. выходит второй роман А. А. Богданова — «Инженер Мэнни». В этот

же период Богданов создает «всеобщую организационную науку» — тектологию.

А. А. Богданов был одним из самых популярных авторов. Большинство его работ, особенно учебные «Курсы», неоднократно переиздавались. «Первые два-три года после Октябрьской революции приходится считать эпохой необычайной его популярности в широких кругах, всколыхнутых Октябрем: т. Богданов считался общепризнанным представителем “пролетарской идеологии”, как бы официальным ее философом»²⁸.

Когда началась Первая мировая война, А. А. Богданова мобилизовали в качестве полкового врача.

С весны 1917 г. Богданов занимается культурно-просветительской работой. В 1918—1921 гг. он читает лекции по политической экономии в Московском университете. А. Богданов был одним из основателей и членом президиума Социалистической, а затем Коммунистической академии. Как известный политэконом, он участвовал в экономических дискуссиях 1920-х гг., пропагандировал научную организацию труда.

А. А. Богданов был видным идеологом Пролеткульта, а с 1918 по 1920 г. — членом его ЦК. Работы Богданова, собранные в книге «О пролетарской культуре» (М.; Л., 1924), показывают, что в его взглядах на пролетарскую культуру было много верного. Он ратовал за демократизацию науки, за привлечение трудящихся к искусству, за открытие учебных заведений и создание книг для рабочих. В отличие от своих товарищей по Пролеткульту, он не выступал против классического культурного наследия человечества, призывал изучать и использовать его в новой пролетарской культуре. В 1923 г. он был арестован по указанию Ф. Дзержинского. Рукопись «Пять недель в ГПУ» пропала.

Осенью 1921 г. А. А. Богданов отходит от Пролеткульта и всецело посвящает себя научной работе, организует в 1926 г. Институт переливания крови, носящий в настоящее время его имя. Он исследует механизм переливания крови, влияние переливания крови на функционирование организма. Теоретическое обоснование механизма действия обменных переливаний крови Богданов излагает в труде «Борьба за жизнеспособность».

Будучи ученым-новатором, он пытается доказать правоту выдвигаемых им положений опытами на себе, делает себе одиннадцать обменных переливаний крови. Двенадцатое переливание, когда он пытался спасти жизнь человека, закончилось трагически. 7 апреля 1928 г. ученый скончался. На гражданской панихиде Н. И. Бухарин, хорошо знавший А. А. Богданова, дал ему проникновенную характеристику: «Он не был ортодоксален. Да, он с нашей точки зрения был еретиком. Но он не был ремесленником мысли. Он был ее крупнейшим художником... В лице Александра Александровича ушел в могилу человек, который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран. Это — поистине редчайшее качество среди работников революции. Богданов с одинаковой свободой парил на высотах философской абстракции и давал конкретные формулировки теории кризисов. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего знатока, и он мог выдерживать бои во всех этих областях, как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания. От теории шаровидной молнии и анализа крови до попыток широчайших обобщений “Тектологии” — таков радиус познавательных интересов Богданова. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной Звезды” — это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли. Ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут. Но история несомненно отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова, и ответит ему свое почетное место среди бойцов революции, науки и труда. Исключительная сила его ума, бурлившая в нем, благородство его духовного облика, преданность идее заслуживают того, чтобы мы склонили перед его прахом свои знамена»²⁹.

Можно выделить несколько этапов философского развития А. А. Богданова. На четыре из них, приходящиеся на девять лет (1899—1908), указал В. И. Ленин в главе 4 «Материализма и эмпириокритицизма».

Первый, начальный, этап нашел свое отражение в двух его книгах — «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) и «Познание с исторической точки зрения» (1901). Как пишет В. И. Ленин, «он был сначала «естественно-историческим» (т. е. наполовину бессознательным и стихийно верным духу естествознания) материалистом»³⁰. Первую из названных книг Ленин прочитал в сибирской ссылке и назвал ее «энергетической», верно подметив, что Богданов в рамках естественно-научного материализма ищет объяснения динамизма исторического развития природы и общества и находит его во всеобъемлющей, всепроникающей энергии. Она как онтологическое начало осуществляет и развитие мира, и равновесие в нем, как методологический принцип — через процесс аккумуляции, трансформации рассеяния энергии дает представление о всех явлениях в мире природы и общества. В 1897 г. Богданов публикует «Краткий курс экономической науки», принесший ему популярность. Книга выдержала десять изданий до революции и пять до 1926 г. В рецензии на эту книгу В. И. Ленин писал: «Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе... Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения... Главное достоинство “курса” господина Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги»³¹.

Второй этап был связан с абсолютизацией энергетизма. В результате получилось, как пишет Ленин, «модная в конце 90-х годов прошлого века “энергетика” Оствальда, т. е. путанный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм»³². Действительно, энергия у Богданова вырастает до принципа всеобщей активности. Он «поверил крупному химику и мелкому философу Оствальду, будто можно мыслить движение без материи»³³.

Третий этап является определяющим, поскольку в этот период Богданов изменил свое представление об энергии и, используя понятие «опыт», построил свою философскую систему, названную им э м п и р и о м о н и з м о м. Главной работой, которая отразила содержание философских взглядов Богданова этого периода, явился

«Эмпириомонизм» (в трех книгах, 1905—1907), а главной категорией, разрабатываемой в этих книгах, был о п ы т.

Богданов считает, что философия марксизма требует дальнейшей разработки, преобразования на основе тезисов Маркса о Фейербахе. Она должна стать «философией действия», призванной не только объяснять мир, но и изменять его. В 1904 г. в одной из своих статей Богданов пишет: «...за последние полвека на сцену выступили две новые философские школы, связанные с именами К. Маркса и Э. Маха. Философы-“специалисты”, с высоты своих сверхгималайских абстракций, просто не замечают этих школ, но здесь внизу они растут и крепнут и завоевывают все больше влияния на умы земных людей, особенно первая... Я имею честь принадлежать к первой из этих философских школ, но, работая в ее направлении, стремлюсь, подобно некоторым моим товарищам, гармонически ввести в идейное содержание этой школы все, что есть жизнеспособного в идеях другой школы»³⁴.

А. А. Богданов, являясь приверженцем марксистской философии, понимал, что ее развитие требует обновления через обобщение достижений естественных наук, чего, кстати, не замечал его оппонент и критик Г. В. Плеханов. Поэтому-то Богданов и обратился к позитивизму, абсолютизирующему естественно-научную сторону философского знания. В специальной статье «Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?», которую он поместил в качестве предисловия к книге Э. Маха «Анализ ощущений и отношений физического к психологическому» (М., 1907), а в 1908 г. в семидесятилетний юбилей Маха, опубликовал в «Neue Zeit» (№ 20) под названием «Эрнст Мах и революция». А. А. Богданов объясняет причину необходимости обращения к махизму. Он пишет: «Роль философии заключается, вообще говоря, не в том, чтобы давать непосредственные директивы для жизни и борьбы, а в том, чтобы вырабатывать деятеля жизни и борьбы — человека — в существо, могучее своей внутренней цельностью и определенностью, широтой и ясностью взгляда, неуклонностью своей логики... И в этом смысле строгая и стройная, богатая научным содержанием философия естествознания имеет громадное значение... У Маха, разрабатывающего “философию естествознания”, многому можно на-

учиться. А в наше бурное время, в нашей залитой кровью стране особенно дорого то, чему он учит всего больше: спокойная неуклонность мысли, строгий объективизм метода, беспощадный анализ всего принятого на веру, беспощадное истребление всех идолов мысли»³⁵.

Несмотря на это Богданов — «махист» (именно махист в кавычках). У Маха он взял лишь «представление о нейтральности элементов опыта по отношению к “физическому” и “психическому”, о зависимости этих характеристик только от связи опыта»³⁶. А далее он развивает собственное представление о элементах опыта. Махистскую двойственную связь элементов опыта которую он считал дуализмом, Богданов заменяет двумя типами, двумя фазами организации опыта, определяя каждую из них. По Богданову, основная постоянная характеристика понятия «физическое» — его объективность. А объективность какого-либо переживания сводится к общезначимости, которая, в свою очередь, определяется как «согласованность» опыта различных людей, взаимное соответствие их переживаний. Проведя исследования генезиса и сути этого соответствия и согласованности, философ делает вывод, что та согласованность коллективного опыта, которая выражается в этой «объективности», могла явиться лишь как результат прогрессивного согласования опыта различных людей при помощи взаимных высказываний. Объективность физических тел, с которыми мы встречаемся в своем опыте, устанавливается в конечном счете на основе взаимной проверки и согласования высказываний различных людей. Вообще, физический мир — это социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом — с о ц и а л ь н о - о р г а н и з о в а н н ы й о п ы т. Вот почему он неразделим для нас с абстрактным пространством и временем — основными формами, в которых выражается социальная организованность опыта³⁷.

А «психический» мир, считает Богданов, не обладает характером общезначимости: «...мои восприятия и представления, взятые в их непосредственности, существуют только для меня и лишь косвенно приобретают познавательное значение для других людей, да и то только отчасти. То же самое относится к моим эмоциям и стремлениям. Все эти факты “внутреннего опыта” отмечаются

величайшей несомненностью, но только для меня, только для того, кто их переживает. Они “субъективны”, т. е. не согласованы с переживаниями других людей, не переведены в гармонию с их опытом и потому не имеют для других людей “объективного” характера. Они лишены той социальной организованности, которая свойственна физическому опыту»³⁸. Но психический опыт не хаотичен, а организован и н д и в и д у а л ь н о. Его элементы ассоциируются в специальные формы организации — мысли, желания, представления, которые, в свою очередь, создают комплекс воспитания, чувств, настроений, т. е. всего того, что составляет «я». А через музыку, речь, искусство индивидуально организованный психический опыт передается другим, но от этого психическое не становится физическим. «Сообщать свои переживания другим — еще не значит достигать согласованности, гармонии их с чужими переживаниями; от этого психическое от отдельного лица еще не становится интегральной, организованной составляющей частью коллективного опыта, оно остается личным опытом»³⁹. Итак, если все существующее у Богданова — это непрерывная цепь развития, низшие его элементы находятся в «хаосе элементов», то «высшие, нам известные звенья, представляют опыт людей, — “психический” и — еще выше — “физический” опыт, причем этот опыт и возникающее из него познание соответствуют тому, что обыкновенно называют “духом”»⁴⁰. Материя в этом смысле понимается как «общезначимое сопротивление человеческим усилиям, объект коллективного труда»⁴¹. Человек постоянно сталкивается с материальностью природы, с ее сопротивлением своей активной, преобразующей деятельности. Эта деятельность требует соответствующей организации в виде понятий, мыслей, идей, объединенных общим понятием д у х. «Процесс их выработки противопоставляется непосредственному труду, имеющему дело с внешней природой, как идеологический процесс техническому, но принципиальной разницы между ними нет: усилия людей в их идеологической работе также имеют дело с сопротивлениями, только с теми, которые лежат в собственной природе человека. Как объект этих усилий, сама трудовая природа человека представляется “материальной” в том смысле, в каком вообще одна активность выступает как материя по отношению к другой, воздействующей на нее»⁴².

Марксистская философия привлекала А. А. Богданова практически-действенным отношением к миру. Во введении к книге третьей «Эмпириомонизма» он ставит перед собой задачу «марксистски обосновать философию», применяя понятие «практика» и по отношению к обществу, и по отношению к природе. Практика для него не только критерий истины, но и методологическое основание для объяснения бытия через социальную жизнь. Другими словами, объективное в жизнедеятельности людей (практика, труд, производство) он отождествлял с объективным в природе и даже шире — в общепhilosophическом смысле — с бытием вообще. В результате природа, материя превращалась в социальную категорию. Такое отождествление стало возможным благодаря применению некоторых положений махизма, чего философ не скрывает: «От эмпириокритицизма мне было что взять для своего мировоззрения. Его критика была самой удобной точкой для дальнейшей работы»⁴³. Как и махисты, Богданов отказался от противопоставления психического и физического бытия: «Элементы психического опыта тождественны с элементами всякого опыта вообще»⁴⁴. Психическое и физическое бытие организовано энергией в опыт и проявляет себя через «элементы опыта». В мире психического осуществляется индивидуальная организация опыта, в мире физического — социальная. Их нельзя противопоставлять: «Это просто две ступени одного генетического ряда, две стадии одного процесса — прогрессивная организация элементов в комплексы опыта»⁴⁵. Другими словами, содержание и форма физического и психического мира не различаются, поскольку элементы опыта имеют общую организацию — практику. В результате образуется м о н и з м о п ы т а (эмпириомонизм), утверждающий тождество природы и общества, общественного сознания.

Четвертый этап философской эволюции Богданова характеризуется попыткой снять «удвоение мира», обеспечить мировоззренческий монизм.

Сами по себе элементы опыта нейтральны. В зависимости от типа опыта они могут быть либо психическими, либо физическими проявлениями единого человеческого опыта. Психическое — это индивидуальный опыт, а физическое — опыт коллективный,

социально организованный. Различие между данными элементами Богданов «устраняет» сведением одного опыта к другому через «всеобщую подстановку». Суть ее состоит в том, что психическое, выступая основой, «непосредственными комплексами ощущений», «подставляется» под физическое, которое есть не что иное, как результат организации восприятий. Противоположность материального и идеального, таким образом, якобы исчезает. Богданов пишет: «Психическое исчезает в объединяющих формах, созданных познанием для физического, но и физическое перестает быть физическим, как только у него нет его постоянной антитезы — психического. Единый мир опыта выступает как содержание для единого познания. Это — эмпириомонизм»⁴⁶.

Принцип подстановки Богданов применяет для утверждения тождества общественного бытия и общественного сознания: «Воспринимая действия и высказывания других людей, каждый человек ассоциативно связан с ними, “подставляет” себя под их чувства, мысли, желания, восприятия, вполне подобные тем, какие сам переживает в связи с однородными действиями и высказываниями. Эта “подстановка” жизненно необходима для людей и лежит в основе их практики»⁴⁷.

А. Богданов отказывается от материализма, для которого такие понятия, как материя, дух, абсолютная истина — это не что иное, как «идолы и фетиши познания», поскольку они существуют независимо от опыта. Он считает, что объективный мир может быть лишь комплексом наших ощущений, порожденных опытом, «трудовыми отношениями людей», а материя — объектом труда, сопротивляющимся человеческой активности.

Богданов понимает, что подобное определение материи ведет его к солипсизму. Он пытается определить материю не через индивидуальный опыт, как нечто сопротивляющееся активности человека, а через опыт человечества.

Критика богдановского эмпириомонизма с его энергетическими и биологическими терминами, его релятивизмом и субъективизмом как в рецензии Н. А. Бердяева на его книгу «Познание с исторической точки зрения» (Вопросы философии и психологии, 1902, кн. 64), так и в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпи-

риокритицизм» (1909) была во многом справедливой. Но не до конца и не во всем. Богданова задел безапелляционно-ругательный тон книги Ленина, и он ответил ему большой статьей «Вера и наука», помещенной в его же книге «Падение великого фетишизма» (1910), которая явилась, по сути, единственным аналитическим разбором ленинских философских воззрений. В ней Богданов противопоставил ленинской нетерпимости к инакомыслию свою позицию свободного философского поиска, самокритики, терпимости. Одним из объектов богдановской критики была ленинская концепция абсолютной истины. Ленин разделял абсолютную и относительную истину и тем как бы придавал абсолютной истине онтологический статус, независимость от реального процесса познания, опирающегося на истины относительные, хотя и не лишённые элементов истины абсолютной. Богданов сделал вывод, что Ленин абсолютизирует марксизм, что в его работах «неизменно звучит один и тот же мотив — требование остановки научного познания на известном пункте, декретирование невозможности идти далее, если не в целом, то хоть в ее частях, если не в исследовании, то в методе... Всюду статика, опирающаяся на веру, объект которой — абсолютное»⁴⁸.

Анализируя философию Богданова, сложно говорить о гносеологии как таковой. В первых своих работах он утверждал, что познание безотносительно к объективному миру и представляет собой лишь «момент пластики и координации форм общественного труда»⁴⁹, а позже вообще отрицал гносеологию.

В частности, он писал: «Так называемую гносеологию, или философскую теорию познания, не как жизненного и организованного процесса в ряду других, а отвлеченно, как процесса, по существу, отличающегося от практики, тектология, конечно, отбрасывает, признавая это бесплодной схоластикой»⁵⁰.

После критики эмпириомонизма Г. В. Плехановым и В. И. Лениным А. А. Богданов более целенаправленно приступил к разработке тектологии — «всеобщей организационной науки». В 1913 г. выходит первая часть книги «Тектология», в 1917-м — вторая, в 1921 г. — «Очерк всеобщей организационной науки», а в 1922 г. в Берлине все три части публикуются одной книгой.

Современные исследователи утверждают, что тектология как идея организации в самом широком смысле пронизывает все теоретическое наследие А. А. Богданова, она является как бы пятым этапом его философского творчества, выходит за рамки обозначенных Лениным границ и является вершиной философского наследия русского мыслителя.

Идея «организационной науки» появилась у Богданова еще в период его эмпириомонистических построений, увлечения энергетизмом. Опираясь на данные естественных наук, он утверждал идеи взаимодействия и борьбы систем, их подвижного равновесия со средой.

Эти идеи позже вошли в «организационную науку». В «Эмпириомонизме» он высказывал неудовлетворенность диалектикой, которая якобы не отвечала уровню нового системно-структурного подхода. Сложным было его решение вопроса о соотношении философии и тектологии. Богданов размышлял следующим образом. Эмпириомонизм не является в полном смысле философией, поскольку исследует организованный опыт. Философия в конечном итоге должна быть заменена наукой об организации элементов: «тектология не должна стать делом философов-специалистов, среди которых она вряд ли может найти какую-нибудь почву, а делом всех широко образованных людей научной и практической мысли»⁵¹.

Н. И. Бухарин, прочитав «Тектологию», обменялся с В. И. Лениным записками. Дело в том, что Ленин не имел возможности ознакомиться с последними работами Богданова, и поэтому во втором издании «Материализма и эмпириокритицизма» (1920) анализ этих работ был произведен В. И. Невским во вводной статье «Диалектический материализм и философия мертвой реакции». Н. И. Бухарин, прочитав эту статью, прислал В. И. Ленину записку, в которой говорилось, что Невский не понял «Тектологии» Богданова: «Раньше Богданов стоял на точке зрения признания философии. Теперь он философию уничтожает... “Тектология” есть, по Богданову, замена философии. Она исключает “гно(!)сеологию”. Ход рассуждения таков: 1. Все можно рассматривать как системы, т. е. элементы в определенном типе связи. 2. Если это так, то можно вывести некоторые общие законы. 3. Тогда философия становится излишней и заменяется всеобщей организацион-

ной наукой. Эта постановка вопроса лежит в иной плоскости, чем эмпириомонистическая. С ней можно спорить, но ее нужно хотя бы понять. А этого *minimum*'а у Невского нет»⁵². Ответ Ленина на эту записку был таков: «Богданов Вас обманул, переменяв и поставившись передвинуть старый спор. А вы поддаетесь!»⁵³.

Многие годы над тектологией и ее отношением к философии тяготело это замечание Ленина, напрямую связывающее тектологию с эмпириомонизмом. Богданов же считал философию умозрительной наукой, так как ее положения и выводы нельзя проверить точными методами, и утверждал, что в тектологии этих недостатков нет: это точная, практически ориентированная наука, использующая эксперимент. Философия и диалектика исчерпали свое методологическое значение. Настала очередь организационной науки, которая, опираясь на философию и диалектику, оперирует другими понятиями. Ее важнейшими принципами являются: принцип обратной связи между системой и средой (биорегулятор — двойная взаимная регулирующая связь), принцип эмерджентности, т. е. нередуцируемости качеств системы к сумме свойств, составляющих эти системы элементов, принцип саморазвития систем, или гомеостаза, и др. Эти идеи и принципы, без сомнения, интересны философии и являются в настоящее время точками роста философии знания.

Термин «тектология» Богданов заимствовал у Э. Геккеля, который рассматривал тектологию как науку об организации живых существ. У русского философа тектология — это всеобъемлющая систематическая наука о законах структурной организации и дезорганизации любых систем, охватывающих все области человеческого знания. Она представляет мир как организационное целое во всем его объеме — от явлений микромира до идеологии. При этом она использует материалы других, частных наук, а также практики, но «со стороны метода, то есть интересуется повсюду способом организации этого материала»⁵⁴. Тектология А. Богданова предвосхитила идеи кибернетики и теории систем, создала новое направление в медицине, поставила вопросы, ответы на которые лежат на пересечении магистральных направлений развития естествознания и философии.

Выступая на международной конференции «Истоки и развитие организационной теории в России» (1995), академик Л. И. Абалкин дал следующую характеристику тектологии: «Современники не сумели, да и вряд ли могли по достоинству оценить значимость тектологии для формирования новой научной парадигмы. Лишь время способно отсечь рациональные зерна и отделить их от плевел. Признание научной значимости тектологии отнюдь не предполагает безоговорочного согласия со всеми ее положениями и выводами. Такое согласие вообще присуще отнюдь не научному, а религиозному мышлению. И для того чтобы лучше оценить значение тектологии как этапа или звена научного поиска, нужно четко разграничить два ее среза: тектологию как таковую и тектологию как особый тип или способ мышления. Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, — наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. Качественно новым в тектологии явился переход от метода аналогий, широко и плодотворно использовавшегося в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем. Высказанные А. Богдановым суждения и полученные им выводы во многом предвосхитили рождение теории систем и кибернетики и были интегрированы ими»⁵⁵.

По-другому смотрел на философию виднейший русский теоретик и идеолог марксизма В. И. Ленин, считавший ее орудием политической борьбы.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 22 апреля 1870 г. в г. Симбирске в семье инспектора народных училищ. В девять лет он поступил в Симбирскую гимназию, которую в 1887 г. закончил с золотой медалью и был принят на юридический факультет Казанского университета. Но в октябре 1887 г. за участие в студенческих беспорядках Ленина арестовывают и высылают под надзор полиции в деревню Кокушкино. Здесь он много читает, занимается самообразованием. Эти занятия продолжились и в Казани, куда осенью 1888 г. Ленину было разрешено вернуться. В Казани он

вступает в марксистский кружок Н. Е. Федосеева, интенсивно изучает марксистскую литературу, основные произведения Маркса, Энгельса, Плеханова.

В 1890 г. Ленин экстерном успешно сдает экзамены в Петербургском университете и получает диплом юриста. Он возвращается в Самару, где семья Ульяновых жила с осени 1889 г., и некоторое время занимается юридической практикой. Здесь же, в Самаре, он создает марксистский кружок.

В августе 1893 г. после переезда В. И. Ленина в Петербург начинается новый этап его революционной деятельности. Он выступает в рабочих кружках с рефератами по актуальным проблемам марксизма и внутриполитического развития России, выпускает книгу «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», центральные идеи которой (гегемония пролетариата, учение о его союзниках в революционной борьбе, создание революционной пролетарской партии) русские марксисты в начале века стали претворять в жизнь.

В 1895 г. В. И. Ленин выезжает за границу для установления контактов с группой «Освобождение труда», знакомится с Г. В. Плехановым, П. Лафаргом, В. Либкнехтом. По возвращении на родину он создает Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

9 декабря 1895 г. Ленина арестовывают и после четырнадцати месяцев предварительного заключения высылают на три года в с. Шушенское. В ссылке он много работает, изучает произведения Гольбаха, Гельвеция, Канта, Гегеля. За этот период им было написано свыше тридцати работ.

С июля 1900 г. по ноябрь 1905 г. Ленин находился в эмиграции. В работах этого периода («С чего начать?», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и др.) он разрабатывает учение о пролетарской партии. Вокруг созданной Лениным общерусской марксистской газеты «Искра» собираются силы русского революционного движения, оформившиеся на II съезде РСДРП в августе 1903 г. в пролетарскую партию — партию большевиков.

В 1905—1907 гг. В. И. Ленин живет в России, руководит партией в труднейший период Первой русской революции и в годы политической реакции, наступившей после ее поражения.

В 1908 г. Ленин заканчивает свой главный философский труд — «Материализм и эмпириокритицизм», в котором с позиций марксизма критикует основные течения буржуазной философии. К этому же периоду относятся статьи В. И. Ленина «Об отношении рабочей партии к религии» и «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», разъясняющие политику рабочей партии по отношению к религии.

Получив известие о победе Февральской буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин 16 апреля 1917 г. возвращается в Россию. На другой день в докладе «О задачах пролетариата в данной революции» он обосновывает конкретные задачи партии и пролетариата в социалистической революции. Тезисы доклада (Апрельские тезисы) были опубликованы в «Правде» и явились программным документом партии в ее борьбе за власть Советов.

В. И. Ленин был признанным вождем социалистической революции, ее теоретиком, он руководил деятельностью ЦК партии большевиков, редактировал «Правду», участвовал в собраниях, митингах, съездах и конференциях. Самая известная книга этого периода — «Государство и революция», в которой он обосновал учение о диктатуре пролетариата, о путях построения бесклассового общества.

В работах послеоктябрьского периода он разрабатывает вопросы экономического и государственного строительства, национальных отношений. К 1923 г. состояние здоровья В. И. Ленина резко ухудшается. Будучи больным, в январе — феврале 1923 г. он пишет последние свои статьи — «О кооперации», «Как реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции», «Лучше меньше да лучше». 21 января 1924 г. В. И. Ленин скончался.

Оценка Ленина как философа за последние 10—15 лет претерпела радикальные изменения от апологетически-восторженных до абсолютно нигилистических. Хотя в настоящее время обе эти оценки в работах о Ленине-философе встречаются, наступает период взвешенных оценок, идущих от аутентичного понимания его

текстов, их научной интерпретации, свободной от политических пристрастий исследователей.

В оценке Ленина несомненно одно: он был выдающейся личностью XX столетия, практическая (особенно) и теоретическая деятельность которого не могла оставить равнодушными ни его сторонников, ни его противников. И как теоретик марксизма, и как практик-революционер, вождь политической партии он оставил значительное теоретическое наследство, требующее взвешенного научного подхода в его изучении.

В. И. Ленин был марксистом, т. е. знатоком теории Маркса, продолжателем его дела. В теоретических построениях обоих мыслителей было много общего: диалектико-материалистическое видение мира, признание исторической гибели капитализма, обоснование революционно-преобразующей роли пролетариата как могильщика капитализма и т. д. Но подходы к обоснованию этих идей у Маркса и Ленина были различными. Если К. Маркс к этим идеям пришел от немецкой классической философии, английской политэкономии и утопического социализма, то В. И. Ленин опирался в основном на политические работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Кроме того, Маркс по преимуществу был теоретиком, а для Ленина теория была руководством к действию — он был практиком революционного движения.

Создание революционной организации рабочих, политическая борьба с меньшевиками и другими противниками большевизма, Первая русская революция — все это выносило на первый план отнюдь не философские проблемы. «Философией заниматься в горячке революции приходилось мало», — признается Ленин в письме к М. Горькому от 25 февраля 1908 г. Однако тут же уточняет: «Но следил я всегда за нашими партийными прениями по философии внимательно, начиная с борьбы Плеханова против Михайловского и К⁰ в конце 80-х до 1895 года, затем борьба его же с кантианцами в 1898 и следующие годы (тут я уже не только следил, но частью и участвовал, как член редакции “Зари” с 1906 г.), наконец, борьба его же с эмпириокритиками и К⁰»⁵⁶. Эта самооценка весьма характерна и важна. Ленин подчеркивает, что философские прения его интересовали в сугубо партийном, т. е. политическом,

плане. Указанный акцент, главный во всей ленинской интерпретации марксизма, определял его понимание философии марксизма, да и философии вообще.

В ленинской оценке современной ему философии существует еще один момент, который редко становится объектом историко-философского анализа. Ленин еще в период своего становления как марксиста считал, что философия отмирает. Маркс и Энгельс как бы достроили ее доверху, а дальше она реализует себя в практике конкретных исследований, т. е. философия в марксизме есть, но она инструмент, метод и т. д. Эту точку зрения Ленин изложил в работе «Экономическое содержание народничества», заявив: «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки. Таким образом, под философским обоснованием можно разуметь или сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук... или опыт применения этой теории»⁵⁷. Именно так оценивая задачи марксистской философии, Ленин использовал ее выводы для практических нужд революционного действия.

Ленину не удалось познакомиться в полном объеме с философскими произведениями Маркса. Он, в сущности, смотрел на Маркса-философа сквозь призму «Анти-Дюринга» — книги, которую еще в молодости оценил как «удивительно содержательную и поучительную» и считал «настойной книгой всякого сознательного рабочего». Онтологизация диалектики, которая поглощала теорию познания и диалектическую логику, — это продолжение линии Энгельса. Положение человека в мире, субъективно-объективные отношения — главное в философии Маркса — остались для Ленина в тени «общих законов», их трактовка носила явно натуралистический оттенок, и в то же время ощущалось влияние гегелевского теологизма.

Интерес Ленина к философии предопределен той огромной ролью, которую она играла в теории марксизма. Основные идеи марксизма — проектирование будущего, гипотетическое содержание учения (ныне модно говорить об «утопической» его функции или вообще сводить марксизм в целом к утопии) — одним словом, коммунистические идеи имели философское обоснование.

Сама же философия К. Маркса онтологически замыкалась на социальной реальности. Это известно. Известно и то, что К. Маркс рассматривал в качестве ключа к разрешению социальных проблем революционную практику, «практически-критическую» деятельность, т. е. классово-политическую борьбу. Таким образом, философия в марксизме признавалась исходным пунктом доктрины, а проект будущего — ее конечным результатом.

Конечно, Ленину были известны замечания Энгельса о том, что все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Энгельс предупреждал: идеологический элемент марксизма таит возможность превращения его в «символ веры», «позднее издание христианского вероучения». Политический фермент в таком превращении играет первостепенную роль.

До поры до времени В. И. Ленин не связывает напрямую философскую полемику с политикой, партийно-политическими разногласиями. В письмах к М. Горькому, написанных в феврале 1908 г., он стоит за отделение философских споров от партийной работы и напоминает, что большевик Богданов своими писаниями убеждает его в правильности философских взглядов меньшевика Плеханова. Ленин даже согласен признать, что «художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии». Когда же Ленин понял, что «троица» (В. Базаров, А. Богданов и А. Луначарский) пытается создать свою партию или захватить власть в партии большевиков, с отделением философии от политики было покончено, пожалуй, уже навсегда. В письме к М. Горькому от 13 февраля 1908 г. Ленин именуется философские течения в социал-демократии, воюющие с материализмом, мещанскими и заключает: «Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в “Анти-Дюринге”, мещанства не допускает и на порог»⁵⁸. Ленин не имел основательной академической философской подготовки, его профессиональные научные интересы заключались не в этой области. Философские изыскания Ленина — ответ на запросы политической борьбы.

Первая русская революция привела к переоценке ценностей в различных областях общественной жизни, ревизии наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние бур-